

Неоговоренная территория Михаила Барышникова

Коммерсантъ-daily. — 1997. — 11 окт. — с. 10

Три октябрьских вечера зал Латвийской национальной оперы и балета был переполнен: на сенсационные выступления Михаила Барышникова съехались балетоманы со всего мира. Две представленные на этих вечерах программы продемонстрировали разные грани таланта знаменитого танцовщика.

На спектаклях Барышников был улыбчив, нежен и предупредителен. Называл поименно своих учителей и приветствовал коллег-соучеников. Он объявлял каждый номер, представлял балетмейстеров и вежливо просил публику потерпеть, пока устанавливался свет. Атмосфера каждого вечера была выверена с математической точностью.

Музыкальные номера исполнял струнный ансамбль компании Барышникова White Oak Dance Project. Коллектив выдерживал просветленно-скорбную атмосферу и вполне соответствовал танцевальному уровню руководителя.

Первую программу Барышников открыл «Тремя русскими прелюдиями» на музыку Дмитрия Шостаковича в постановке американского балетмейстера Марка Морриса. Танцовщик выглядел на сцене интеллигентным мальчиком, демонстрировавшим безукоризненные манеры и дворянскую статью.

Второй балет — «Чакона» Баха, поставленная Хосе Лимоном на отточенных, скупых и трагичных жестах, — идеально соответствовал программе, посвященной памяти матери.

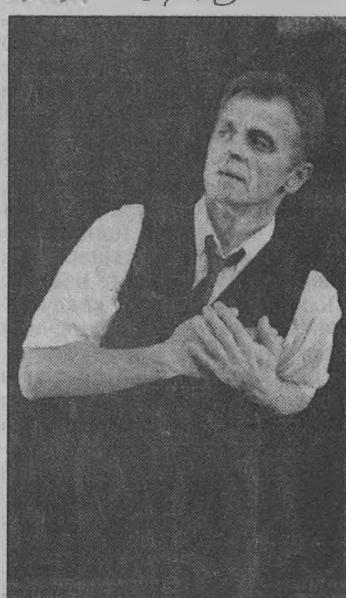
Во втором отделении была показана «Неоговоренная территория» — двадцатипятиминутный спектакль Дайны Райц, проходящий в полной тишине. В «Неоговоренной территории» были эпизоды, в которых Барышников демонстрировал самую суть движения. Балет Дайны Райц особенно дорог Барышникову: в свое время этот эксперимент увлек его и отнял много сил.

Во второй программе танцевали ученики Рижского хореографического училища, и тактичный Барышников в финале первого отделения поставил самый скромный из своих балетов — Piano-bar, поставленный Морисом Бержаром.

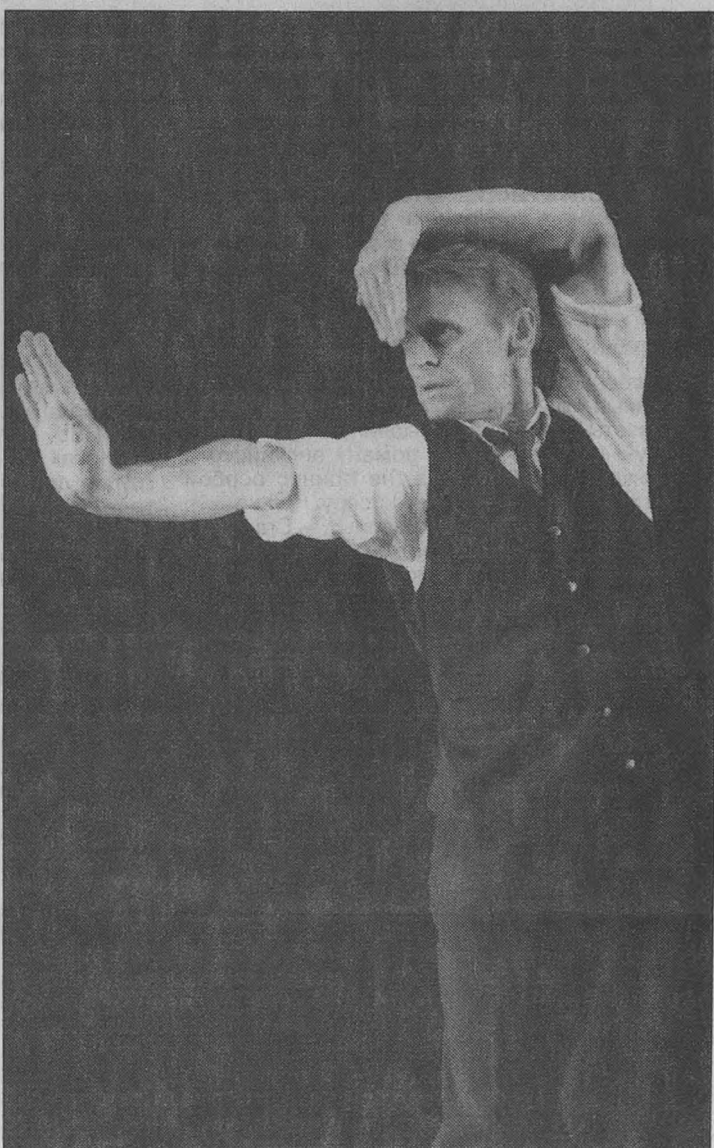
Кульминацией этой программы стал исполненный во втором отделении стреми-

тельный, остроумный балет «Перголези» Твайлы Тарп. (Когда-то в ее балете Push Comes to Shove Михаил Барышников впервые в своей карьере перешагнул рамки классического канона — и стало очевидно, что он может делать не только двойные кабриолы.) «Перголези», как ни один другой балет, использует и раскрывает индивидуальные данные танцовщика: стремительность вращения, легкость прыжка, кошачью мягкость движений, безупречность координации, точность бытового жеста и актерский дар. Через несколько недель Барышников будет танцевать в Париже премьеру «Сердцебиения» — номер, идущий под стук его собственного сердца, транслируемый в зрительный зал.

ОЛЬГА ХРУСТАЛЕВА

В преддверии парижской премьеры «Сердцебиения»

Михаил Барышников в «Трех русских прелюдах»

Коммерсантъ-daily. — 1997. — 11 окт. — с. 10

Барышников дал танцу абсолютную чистоту движений, — сказал Кшиштоф Занусси газете «Коммерсантъ-Daily»

— Вы прилетели на один вечер только для того, чтобы увидеть концерт Михаила Барышникова?

— Нет, я приехал повидаться с Барышниковым, потому что мы близко дружим уже несколько лет. Я познакомился с ним, когда «Солидарность» впервые победила на выборах. Положение в стране не определилось, можно было ожидать чего угодно. И Барышников согласился танцевать на концерте в поддержку правительства «Солидарности». Михаил приехал совершенно больной, вышел на сцену и сказал: «Я очень болен и не могу танцевать. Но знайте, что я с вами». На концерте было много звезд, но поляки запомнили именно Барышникова, который не танцевал. Поддержка этого русского была для них чрезвычайно важна.

Танец Барышникова меня поражает. Я, знаете, много видел балетов modern dance. И всегда в исполнении есть какая-то грязь. Барышников дал современному танцу абсо-

лютную чистоту движений. Он точен, как швейцарские часы. Удивляет, как он молод на сцене.

— Ваш визит в Ригу носит сугубо частный характер?

— Не совсем. Мы сейчас вместе готовим один проект, который, я надеюсь, осуществится. Я хочу снять фильм с участием Барышникова о последних месяцах жизни Вацлава Нижинского, о том времени, когда разговор Нижинского с Богом приобрел открытый характер.

У нас есть сценарий. Есть продюсер проекта. Но пока еще нет денег. Знаете, гораздо проще найти сорок миллионов долларов, чем четыре, когда речь идет о серьезной работе. Если бы мы хотели снять картину о балетмейстере, который влюбляется в молодую красивую женщину и везет ее в Таиланд, деньги возникли бы тут же. Но у нас другие намерения и другие задачи. Мы хотим снять серьезный и совсем не развлекательный фильм.